

Содержание

ЖЕНЩИНА С АНДРОСА	3
ОБ АВТОРЕ	140
ПРИЛОЖЕНИЕ	149

*Первая часть этого романа
написана по мотивам комедии Теренция
«Андрия», автор которой, в свою очередь,
опирается на две несохранившиеся пьесы
Менандра.*

Земля вздыхала, продолжая неизбывное свое кружение; ночные тени медленно на-ползали на Средиземноморье; Азия утонула во мгле. Могучий мыс, который впоследствии назовут Гибралтарским, еще долго отсвечивал красными и багровыми полосами, а с противоположной стороны, на освещаемых лучами заходящего солнца отрогах Атласских гор, проступали глубокие голубые морщины. Пещеры, окружающие Неаполитанский залив, погрузились в глубокую тень, издавая во тьме, каждая на свой лад, то ли переливчатые, как колокольчик, то ли глухие звуки. В Греции остались позади времена триумфов, в Египте — мудрости, но

Торнтон Уайлдер

с наступлением ночи былая слава как будто возрождалась, а земля, которую вскоре назовут Святой, вынашивала во тьме драгоценное свое бремя. На море хватало места для всего: у Сицилии с ее курящимися вулканами бушевал шторм, а в устье Нила вода походила на влажную мостовую. Легкий ветерок колебал поверхность Эгейского моря, греческие же острова вдыхали внезапную свежесть уходящего дня.

Бринос, самый солнечный и наименее известный из них, с готовностью подставлял себя ветру. Вечер был долгим. Какое-то время шум волн, накатывающих одна за другой на мол небольшой бухты, перекрывался женским говором, мальчишескими криками, блеяньем ягнят. С появлением первых огней женщины удалились. По мере того как со стуком начали закрываться ставни лавчонок, утихли и ребячьи голоса, и в конце концов лишь отголоски разговоров мужчин, занятых в тавернах игрою в кости, смешивались со звуками моря. На балконы домишек, прилепившихся к скло-

ну холма, и ступеньки вьющихся лестниц, служащих улицами, падал бледный свет — предзнаменование еще не взошедшей луны.

Таверны были разбросаны по грубо замощенной площади, у кромки воды, и в одной из них играли пятеро или шестеро Отцов острова. К тому времени как луна появилась на небосклоне, игроков осталось только двое — Симон и Хрем. Симон был торговцем, он владел двумя складами и тремя судами, что постоянно курсировали между островами. Игра закончилась, кости остались лежать на столе, а игроки вздыхали, поглаживая бороды и думая о том, как долго им предстоит добираться до дома призрачными оливковыми аллеями. Сегодня Симон устал больше обычного: закон умеренности учит заниматься торговыми сделками и чистыми подсчетами не более трех часов в день, а нынче он потратил на всякие споры и передвижения целых пять.

— Симон, — внезапно заговорил Хрем с видом человека, которому предстоит выполнить неприятную и долго откладывав-

Торнтон Уайлдер

шуюся задачу, — твоему сыну сравнялось двадцать пять...

Понимая, что разговор заходит о деле, которого он всячески избегал, Симон тяжело вздохнул.

— Четыре года назад, — продолжал Хрем, — ты сказал, что старшие не должны заставлять молодых людей жениться. Само собой, никто Памфилия ни к чему не понуждает. Но чего он ждет? Он помогает тебе управляться со складом, он занимается спортом, он ужинает у андрианки. Сколько еще времени можно вести такой образ жизни? Когда ты наконец признаешь, что ему же будет лучше, если он женится на моей дочери?

— Хрем, он должен сам ко мне обратиться. Первым я не стану заговаривать с мальчиком об этом.

— Первым! Да ты и не будешь первым. Давно уже между нашими семьями было решено, что он женится на Филумене. И все это время мы только и говорим об этом. Сверстники уж смеются над ним. Ему от-

лично известно, что моя дочь готова выйти за него. С его стороны это чистое разгильдяйство. Просто безответственность и нежелание принять на себя обязанности мужа, отца и не последнего на острове домовладельца.

— Мой сын — молодой человек, который знает, что ему делать. Я ни к чему его подталкивать не буду.

— Что ж, тогда придется признать, что он просто не хочет жениться на моей дочери. А для нее унизительно ждать годами, пока он решится. Да и мать девочки сколько уж времени донимает меня, чтобы я покончил с этой историей. Может, и напрасно я это говорю, но ты из-за нерешительности, вы оба из-за нерешительности от доброго дела отказываетесь. Филумена — первая красавица на островах, да к тому же с отменным здоровьем. И по дому умеет делать все, что требуется от женщины. От союза наших семей все только выиграют, Симон, ты это не хуже меня понимаешь. Но все эти отсрочки и сомнения заставля-

ют думать, что твой сын просто ждет, когда ему на глаза попадется другая девушка. Что ж, так тому и быть! Начиная с сегодняшнего дня моя жена будет подыскивать нового жениха.

— Право, Хрем, ведь сыну всего двадцать пять. Пусть еще немного погуляет. К чему так спешить с женитьбой и отцовством? Он славный мальчик и вполне доволен жизнью. Насколько я понимаю, твоя дочь тоже. Ну так пусть еще какое-то время все остается как есть.

— Внуки — вот что мне нужно! Между поколениями не должно быть больших разрывов. Это плохо для нравов и повседневной жизни.

— Лучше опоздать, чем поторопиться.

— Есть и еще одна причина, — продолжал Хрем, — по которой мне хотелось бы поскорее покончить с этим делом. Нам не нравится, что Памфилий зачастил к этой андрианке. Конечно, мне трудно говорить об этом, ведь и мой сын к ней ходит. Но разве не естественно, что к зятю

относишься строже, чем к собственному сыну?

Симон поник еще сильнее и ничего не ответил.

— Полагаю, тебе не больше моего нравится появление этой иностранки, — вновь заговорил Хрем. — Наши острова всегда славились добропорядочностью и строгими нравами. Если в молодости у нас, случалось, и вселялся дьявол, всегда можно было завести в темный уголок какую-нибудь пастушку. Но эта андрианка принесла с собою всю атмосферу Александрии — духи, горячие ванны, поздние застолья и все такое прочее.

Симон почесал подбородок и проворчал в ответ:

— Всегда что-то случается, не одно — так другое. Что же касается этой андрианки, то лично я о ней ничего не знаю. Женщины трещат о ней без умолку, с утра до ночи, но разве их словам можно верить?

Решив, что это от него и требуется, Хрем с явным удовольствием пустился в объясне-

ния. При этом он время от времени посматривал на Симона, пытаясь понять, занимают ли его подробности, представляющие такой интерес для него самого.

— Вообще-то ее зовут Хризия. Не знаю уж, почему она предпочитает называть себя андрианкой. На острове Андрос такие манеры, как у нее, не приняты. Наверняка она усвоила их в Коринфе и Александрии. Так там ей и надо было оставаться вместо того, чтобы заживо хоронить себя в нашем городе и читать стихи нашим юношам. Да-да, она декламирует стихи, словно какая-нибудь знаменитость. И раз в семь-восемь дней приглашает к себе на ужин двенадцать — пятнадцать молодых людей — естественно, неженатых. Они возлежат на кушетках, едят странную пищу и беседуют. Потом она поднимается и начинает декламировать. Целую трагедию может прочесть, не заглядывая в текст. Судя по всему, она очень строга с гостями. Заставляет их говорить с аттическим акцентом. Едят они, как это принято в Афинах: поднимают тосты, носят гирлян-

ды, и каждый по очереди избирается царем вечера. Под конец приносят подогретые влажные полотенца, чтобы омочить ладони.

К явному разочарованию Храма, Симон не обнаружил к его рассказу большого интереса — глаза его были опущены, а на лице сохранялось то же равнодушие, с каким он выслушивал разнообразные сплетни, гуляющие по острову. Хрем решил, что пора закругляться, и лишь добавил с оттенком возмущения:

— По мне, так Александрия — это Александрия, а Бринос — это Бринос. Еще несколько заморских идей — и нашему острову конец. Мы превратимся в толпу несчастных неразборчивых подражателей. Все девушки захотят читать, писать, декламировать. Нет, Симон, ты только подумай, во что превратится домашняя жизнь, если женщины научатся читать и писать? Мы с тобой женились на лучших девушках своего времени и всегда были счастливы. Хорошо хоть, мы можем научить здравому смыслу и добронравию по крайней мере еще одно поколе-

ние наших земляков до прихода времен, когда все женщины превратятся в танцорок, а мужчины будут увиваться за ними.

Симон хотел было ответить, но промолчал. Как никто на этом острове, Хрем был под каблуком у жены. Больше того, сидя в полутьме за ткацким станком, она мечтала командовать целым островом, используя своего беспокойного мужа как законный карательный инструмент.

— Ну, а потом, после окончания застолья, что происходит? — спросил Симон.

— Каждый платит за ужин, и платит прилично. А кое-кому время от времени дозволяется остаться до утра. Вот и все, что мне известно.

— И твой сын не пропускает этих ужинов?

— Вроде он повздорил с кем-то или, может, перепил, точно не знаю. По крайней мере, на какое-то время он был отлучен от этого дома. Другие гости его прямо на улице вышвырнули. Но с ней он снова наладил отношения.

— А ты с ним говорил об этой... этой Хризии?

— Да нет, делаю вид, что мне ничего не известно.

— И мой сын тоже в этой компании?

— Говорят, днюет и ночует.

Повисло долгое молчание. Мальчишка, прислуживающий в таверне, вышел на улицу и принялся закрывать ставни. Вернувшись, он шепнул Симону, что на улице его ждет какая-то старуха. Ждет довольно долго, поговорить хочет. Для Бриноса это было необычно, но Симон гордился тем, что никогда не выказывал удивления. Он лишь слегка кивнул и продолжал смотреть куда-то прямо перед собой.

— А женщины у андрианки бывают? — спросил он.

— Не знаю. Одни говорят — да, другие — нет. Но вообще-то в доме всегда полно народу. Это нечто вроде приюта для престарелых, недужных и... разного рода бедолаг-ветеранов. Дом находится на самой окраине...

— Я знаю, где это.

— ...и те, кто там живет, кто бы то ни был, никогда не ходят в город. Они даже на дорогу в дневное время не выходят. Но поверь мне, горожане только о них и говорят.

Хрем поднялся и накинул плащ. Ему было ясно, что Симон не приблизился к окончательному решению.

— В общем, так, — заключил он, — надеюсь, что через десять дней ты сможешь дать мне ответ. Честно говоря, Симон, жена мне покоя не дает. Велела передать, что, если Памфилий не положит конец этим визитам, о женитьбе на нашей дочери можно забыть. И вообще с браком надо решать как можно скорее, иначе тебе придется подыскивать для сына другую невесту, которая в подметки не годится Филумене.

Впервые за все время разговора Симон вскинулся и медленно проговорил:

— Вы с женой тоже от доброго дела отказываетесь, Хрем. Я не могу говорить с Памфилием так, как говорил бы просто с сы-

ном, именно потому, что это не обычный юноша. Ты и вообразить себе не можешь, что это за человек.

— Да кто же спорит, Симон, мы знаем, что Памфилий — превосходный молодой человек. Но ты уж извини меня, знаем мы и то, что ему свойственны... нерешительность, медлительность. Чтобы в полной мере проявить свои качества и занять в жизни достойное место, нужно чтобы его подталкивал такой человек, как ты. Ведь Памфилий обожает тебя. К тому же он не так, как следовало, интересуется делами и устремлениями нашего острова. Ты знаешь молодого жреца храма Эскулапа и Аполлона? Так вот, нечто от этого жреца есть и в Памфилии. Такие люди предпочитают держаться в стороне. Они еще совсем не знают жизни.

Хрем вышел из таверны и каменистой тропой побрел домой. Симон чуть задержался.

«Что за скверный конец скверного дня», — думал он.